

УДК 1(091)

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ КАРЛА ШМИТТА И РАЙНХАРТА КОЗЕЛЛЕКА

А.В. Горобий

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются взгляды на историю понятий двух крупнейших немецких мыслителей XX в. Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека. Первый автор был вовлечен в политические бури Веймарской республики, второго же послевоенные реалии заставляли переосмысливать исторический опыт своей страны. Моменты творческого расцвета двух ученых были хронологически разделены нацистской катастрофой, несмотря на это между Шмиттом и Козеллеком обнаруживается определенная идейная преемственность.

Ключевые слова: *история понятий, история Германии, право, политика, теория истории, антропология.*

Юрист и политический философ Карл Шмитт (1888–1985), несмотря на всю неоднозначность своих взглядов, оказал большое влияние на немецкую гуманитарную мысль, в том числе на историю понятий, которая в послевоенные годы разрабатывалась Райнхартом Козеллеком (1923–2006). Идейное наследие Шмитта настолько велико, что отголоски его взглядов можно найти в творчестве представителей самых разных научных и политических направлений. И все же прослеживается определенная преемственность между Шмиттом и Козеллеком. Во-первых, она концентрируется преимущественно в методологической, а не в идейно-политической плоскости. Во-вторых, она опирается на активную частную переписку между двумя учеными. В связи с этим цель данной статьи – внести вклад в разрешение вопроса, который уже несколько десятилетий интересует научное сообщество и метафорически формулируется следующим образом: «Сколько Шмитта заключено в Козеллеке?» [1].

В России творчество Шмитта и Козеллека долгое время оставалось малоизвестным. В последнее время положение стало улучшаться, в первую очередь благодаря переводу ряда работ этих ученых на русский язык [2; 3]. Это дало толчок более широкому изучению их творчества [4–7]. Данная статья, написанная в компаративистском ключе, призвана осветить недостаточно изученные параллели в развитии истории понятий как методологии исторических исследований.

В своих ранних работах Шмитт выражает открытый скепсис в отношении научно-технического прогресса. Ценностная нейтральность и релятивизм современной культуры вызывают у него пессимизм. Релятивизм представляется ему как орудие холодного разума, которым последний опустошает землю. Шмитт критически относится к капитализму и буржуазному обществу, в котором целесообразность, упорядочен-

ность жизни и стремление к заработку приводят к подавлению человеческих порывов, всеобщей пассивности и безынициативности [8, s. 59, 62, 67]. Также критически он настроен к романтизму, который отнимает у человека силу воли и решительность, погружая его в мир чувств и фантазий: по его мнению, романтики не способны к ценностным суждениям и моральным дистинкциям. Свойственные современному обществу нейтрализация и деполитизация мировоззрения, когда «каждая норма воспринимается как угроза тирании», лишает государство его «жизненной основы» [9, s. 172].

Политическая философия Шмитта коренится в католической среде, в которой он воспитывался [10, с. 278]. Шмитт проводит параллель между церковью и государством, которые оба являются надындивидуальными институтами, выполняющими функцию репрезентации определенного сообщества и его интересов. И церковь, и государство страдают от того, что, поддаваясь излишней терпимости и неосмотрительному чувству превосходства, они допускают существование множества противоречий внутри своей структуры (*complexio oppositorum*). Развитие этих вовемя неискорененных противоречий вызывает рост неприязни к церкви и государству и в конечном счете грозит их гибелью. Анализируя параллели между церковью и государством Шмитт приходит к пониманию важности языковых понятий: «Все важнейшие понятия современного учения о государстве – это секуляризованные понятия теологии. Это касается не только их исторического происхождения, так как они были перенесены из теологии в учение о государстве, но и особенностей их системы» [11, s. 43].

Центральную роль в теории государства Шмитта играет понятие «политики» (*Politik*), которую он ставит выше «права», поскольку правовая система всегда определяется господствующей политической системой. Шмитт как профессиональный юрист задумывается об «условиях возможности права» и находит их в политике: любая норма (*Sollen*) коренится в некоем бытии (*Sein*). Правовой порядок устанавливается сувереном (*Souverän*), который ради поддержания этого порядка может в некоторых случаях его же нарушать. В частности, он может объявить своего противника врагом порядка и раздвигать границы права ради борьбы с врагом. Отсюда следует, что политика – это прежде всего пространство различения друзей и врагов, причем это различие касается только публичных друзей и врагов, а значит, оно находится за пределами той морали, которая основана на Нагорной проповеди и касается частной сферы. Отрицание морали в политике впоследствии приведет Шмитта к идее о «борьбе народов за выживание».

В рецензии на работу Фридриха Майнеке «Идея национальных интересов» [12] Шмитт упрекает автора, считающегося основателем истории идей как методологического подхода, в «антиисторическом и антиполитическом» смешении политики и морали, характерном для либе-

рально-буржуазных историков. По мнению Шмитта, «политика» и «мораль» – это понятия из разных сфер. «Мораль» означает оценку того или иного действия как хорошего или плохого, а «политика» – это выбор средств реализации декларируемых моральных убеждений.

Политика имеет место только тогда, когда интенсивность ассоциации и диссоциации людей достаточно высока, а значит, в тоталитарных государствах нет политики. В то же время, если интенсивность слишком высока, исчезает порядок (Ordnung). Как мы видим, трактовка Шмиттом политики, права и порядка очень диалектична и динамична. Релятивизм Шмитта проявляется в том, что он, в отличие от философов Просвещения, не привязывает общественный строй (Ordnung) ни к каким ценностям, а утверждает его самоценность.

Поскольку право получает смысл только тогда, когда суверен в рамках определенного политического режима обеспечивает выполнение права (Rechtsverwirklichung), постольку Шмитт отвергает либеральные представления о естественном праве и универсальных правах человека, действительных для любого государственного строя. В центре правового учения Шмитта стоит понятие «конституции» (Verfassung), под которой он понимает «установление вида и формы политической реальности». Политический и правовой порядок сохраняются только тогда, когда в обществе есть достаточная степень гомогенности. Шмитт выступает против либерального плюрализма, хотя признает недостижимость полной гомогенности. Возможность действия конституции под властью суверена означает, в трактовке Шмитта, что власть народа совсем не обязательно выражается в либерально-демократическом политическом строе [10, с. 290].

Суверен является гарантом конституции (Hüter). Основной признак суверена – это, по мнению Шмитта, монополия на принятие решений. Важнейшая функция суверена – это принятие решений о наличии чрезвычайного положения и о выходе из него. Суверен – это тот, кто может и должен предотвращать гражданскую войну путем диктатуры. Решения суверена не могут быть правомерны или неправомерны, поскольку он стоит над нормой и правом и сам устанавливает правовой порядок.

Диктатура восстанавливает связь между нормой и бытием (Sollen und Sein), создавая условия для «выполнения права» (Rechtsverwirklichung). В вопросе о диктатуре Шмитт развивает сложную диалектику понятий: диктатура временно приостанавливает действие той нормы, которая подвергается угрозе со стороны противника. Диктатура есть адекватный ответ на выход противника из правовых рамок. «Тот факт, что диктатура является исключением из нормы, не означает произвольный отказ от всех норм. Внутренняя диалектика понятия заключается в том, что диктатура отрицает именно ту норму, дальнейшее существование которой в исторической перспективе должна обеспечить диктатура». В целом Шмитт справедливо указывает, что либеральная юриспруденция ограничивается рассмотрением «нормальных

случаев» и оказывается беспомощной в ситуациях, когда исторические условия требуют новых кардинальных решений.

Шмитт придает очень большое значение понятию «чрезвычайное положение» (*Ausnahmezustand*): «Исключение интереснее, чем норма. При нормальном положении дел не проявляется ничто, при чрезвычайном положении проявляется всё. Оно подтверждает правила, поскольку правила существуют только за счет исключений. При чрезвычайном положении сила реальной жизни пробивает корку закостеневшей рутины» [11, s. 21].

По аналогии с «правом» и «выполнением права» Шмитт противопоставляет «легальность» (*Legalität*) и «легитимность» (*Legitimität*). Легальность есть буква закона, а легитимность есть то, что делает закон и политический строй фундаментально очевидными и справедливыми в глазах народа. Легитимность есть условие обеспечения легальности, легитимность опирается на принципы, стоящие выше закона, в частности, на «право жизни государства» (*Lebensrecht des Staates*) и на «национальные интересы» (*Staatsräson*). Диктатура легитимна, но нелегальна. Отсюда Шмитт впоследствии сделает вывод, что диктатура и конституция несовместимы.

Гомогенность общества должна обосновываться «от противного», чаще всего – исходя из наличия внешнеполитических противников. Демократия, вопреки уверениям в положительной основе этого строя, также существует «за счет противников», т.е. на отрицательной основе. Шмитт предлагает следующую классификацию политических противников – условные (*konventionell*), настоящие (*wirklich*) и абсолютные (*absolut*). Условная вражда означает, что за противником признаются те же права, что и за самим собой, а абсолютная вражда под знаменами гуманизма и «всего человечества» означает, что противник объявляется «не человеком» (*Unmensch*) [10, с. 292–293]. Если Пьер Жозеф Прудон говорил: «Кто упоминает Бога, тот врет», то Шмитт перефразировал: «Кто упоминает человечество, тот врет». Абсолютная вражда ведет к тотальной войне. В тотальной войне речь идет не о завоевании неких территорий, а об искоренении якобы неправильного бытия. Тотальную войну ведут не профессиональные армии и не автохтонные партизаны, а глобальные партизаны-террористы. Абсолютная вражда означает возврат из политики в теологию: различие «друг – враг» из условного вновь становится безусловным. Парадоксальным образом Шмитт доказывает, что неморальная политика более безопасна для человечества, чем морально обоснованная теология.

В целом для Шмитта характерен консервативный, антилиберальный взгляд на государство. Он рассматривает государство не как статичное и нормативное образование, а как жизненное, реальное и динамичное; для него государство – это организм, а не механизм. Он ставит принятие решений (*Dezision*) выше размышлений (*Deliberation*). При «чрезвычайном положении» решения должны приниматься не исходя из

моральных соображений, а исходя из «готовности умирать и убивать» (децизионизм). Кроме того, Шмитт указывал на постоянное присутствие насилия в жизни людей (экзистенциализм).

Свою программу «социологии понятий» Шмитт сформулировал по аналогии с социологией религии Макса Вебера – как вопрос о том, что заставляет людей верить в понятия, как вопрос о «причинах созвучности» (Fügsamkeit) понятий определенным системам координат (Deutungssystem): «...каждое политическое понятие является полемическим понятием». Поскольку идеальные типы Вебера имеют рационально реконструируемый практический эффект, Шмитт говорит о прогностическом значении изучения понятий и о «реализме понятий».

По мнению Шмитта, «метафизическая картина мира определенной эпохи имеет ту же структуру, какая свойственна политической организации в эту эпоху» [11, s. 59]. Политические и юридические понятия доступны философскому толкованию, т. к. политические формы, описываемые этими понятиями, наделены смыслом и устойчивы только в пределах целостно воспринимаемого мира. Исходя из такой «мировоззренческой» герменевтики, Шмитт не претендует на нейтральность своей социологии понятий и считает утопичным стремление к рассуждениям за пределами всех мировоззрений. На примере учения Гоббса он убедился, что правовой децизионизм требует персоналистической картины мира.

С точки зрения властных отношений Шмитт анализирует политический дискурс в контексте намерений его носителей. С точки зрения метафизики он вопрошает о том, насколько носители дискурса верят в него. Шмитт полагает, что в ходе полемики, в контексте противопоставлений «друг – враг» закрепляются те значения понятий, которые прагматически доказывают свою пригодность как нормативные ориентиры. Следовательно, метафизические понятия – это политически закрепленные понятия, с которыми люди, их употребляющие, себя морально идентифицируют.

Шмитт убежден, что политическое господство в значительной степени зависит от языка, от господства тех или иных понятий: «Историю пишут победители, хотя и побежденный иногда может иметь успех в борьбе за духовное влияние». После 1933 г. Шмитт на стороне национал-социалистов вступает в борьбу за понятия, в частности, за восстановление этимологии таких «базовых понятий», как «право» и «правовое государство». Он настаивает, что «язык еще хранит те значения», которые люди уже забыли, а значит, необходимо восстановить эти исходные значения слов, чтобы у людей были правильные «предпосылки понимания». Как мы видим, Шмитт заимствует многие положения и терминологию герменевтики. Он заявляет о взаимосвязи слов «имя» (Name) и «взятие» (Nahme) и, исходя из этого, заявляет о «правовом порядке» как об утверждении «правильных имен и понятий».

В 1933 г. происходит значительное изменение в позиции Шмитта, хотя есть и элементы преемственности по отношению к предыдущему периоду. И раньше Шмитт исповедовал антилиберализм, выступал за сильное государство при сохранении свободного рынка, призывал к усилению власти рейхспрезидента, к ограничению власти парламента и восхищался итальянским фашизмом. Однако он был ярким сторонником сохранения Веймарской конституции, пусть и при ее изменении в сторону президентской диктатуры. В течение первых месяцев 1933 г. его взгляды существенно меняются, в чем явно сказывается оппортунизм Шмитта. Пропагандируя принцип фюрерства как ключевой элемент «немецкого порядка», отождествляя «волю» и «закон» и изобретая популистские лозунги типа «тотальное государство – тотальная война», Шмитт быстро получил должность в Прусском государственном совете и достиг статуса «коронного юриста» (Kronjurist). Однако уже в 1936 г. в нацистских кругах была развернута кампания против Шмитта, обвиненного в оппортунизме и связях с евреями. Он потерял свой статус, но до конца войны, работая в Берлинском университете, сохранял национал-социалистические взгляды. После войны Шмитт не отказался почти ни от каких своих взглядов, но и не был осужден. Отказ от денацификации означал его исключение из академических кругов, однако он продолжал публиковать свои труды и оказал большое влияние на немецкую и мировую гуманитарную мысль послевоенного времени. Это влияние, парадоксальным образом охватывающее мыслителей и левого и правого толка, распространяющееся на самые разные области от изучения терроризма до правовой основы Европейского союза, от франкфуртской школы до учения американских неоконсерваторов, не ослабевает до сих пор.

Академическая карьера историка Райнхарта Козеллека началась в Хайдельберге, где в начале 1950-х гг. он познакомился с Карлом Шмиттом. Между Козеллеком и Шмиттом завязалось весьма интенсивное общение, продолжавшееся с некоторыми перерывами до смерти последнего и выражавшееся в личных встречах (Козеллек не раз приезжал в гости в Плеттенберг, ставший на долгие годы прибежищем опального юриста), переписке, обмене книгами, дискуссиях и рецензиях. Впоследствии Козеллек будет называть Шмитта одним из своих учителей.

В 1954 г. Козеллек защитил кандидатскую диссертацию (Promotion) под руководством Йоханнеса Кюна на тему «Критика и кризис. Исследование патогенеза буржуазного общества» [13] – вероятно, самую успешную кандидатскую диссертацию по истории, защищенную в Германии в XX в. В этой работе Козеллек попытался понять истоки катастрофических событий XX в., а именно формирование абсолютистского государства в Новое время как средства предотвращения религиозных войн. Однако абсолютизм означал разделение политики и морали, благодаря чему возникло то социальное пространство, в котором зародилась буржуазия, в котором она превратилась в могущественный класс и – устами просветителей –

подвергла острой критике абсолютистский режим. Критика переросла в буржуазные революции, давшие начало новому общественному строю, который Козеллек считает кризисным явлением в истории Запада, в силу своей порочной природы вызвавшим катаклизмы XX в. Социальное пространство буржуазии – это «публичная сфера», в которой основным средством манипуляции сознанием людей стали моральные категории и в которой расцвели утопии. При этом деятели Просвещения XVIII в. использовали идею разумности истории для снятия с себя ответственности за последствия своей борьбы против государства.

В этой работе наиболее ярко проявляется практический морализм Козеллека. Он резко называет политиков, опирающихся на мораль, лицемерами, он выступает против соединения политики и морали, характерного для буржуазного общества. Влияние Шмитта проявляется весьма очевидно. Это касается не только и не столько политических воззрений, сколько методологии. От Шмитта Козеллек позаимствовал принцип «настолько глубокой формализации понятий, чтобы оставалась только базовая структура возможных антиномий, позволяющая в дальнейшем трактовать эти понятия как «когнитивные категории» (Erkenntniskategorien)», иными словами, принцип очищения понятий от всех сиюминутных социально-политических импликаций.

В 1965 г. Козеллек защищает докторскую диссертацию (Habilitation) под руководством Вернера Конце на тему «Пруссия между реформами и революцией». В период работы над докторской диссертацией Козеллек переносит акцент с деяний отдельных исторических фигур, которые были предметом моральной оценки в его предыдущих работах, на языковые и внеязыковые условия исторического процесса, на структурную историю и историю понятий в русле социальной истории (несомненно, под влиянием В. Конце).

Козеллек обнаружил, что современное понятие «история» (Geschichte) представляет собой синтез двух ранее разделенных понятий – истории как череды событий (res gestae), обязательно требовавшей после себя определения («история кого или чего?») и иногда употреблявшейся во множественном числе («истории героев», «истории чудес»), и истории как рассказа о событиях (historia rerum gestarum). В немецком языке история как череда событий обозначалась словом «Geschichte», а история как рассказ – словом «Historie». В Новое время оба эти значения синтезируются в слове «Geschichte», которое становится «коллективным сингуляром»: форма единственного числа обозначает всю совокупность возможных историй и рассказов о них. История начинает восприниматься как сила, обуславливающая наше прошлое, настоящее и будущее, как субъект и объект самой себя в одном лице. Сингулярными понятиями, обладающими собственной динамикой, становятся также «прогресс» и «время»: люди начинают говорить не о «прогрессе в какой-либо сфере», а о «прогрессе вообще», не о «времени тех или иных событий», а о «времени вообще».

История наравне с просветительской моралью на какое-то время становится секулярным суррогатом Бога для буржуазного общества, и это есть радикальный переход от Средневековья к Новому времени. Свой квазирелигиозный статус история теряет, когда на смену историзму приходит позитивизм, расщепивший историю на бесчисленное множество фактов. Козеллек хотел бы восстановить моральную полноту истории, в чем слышатся отголоски реформированного протестантизма, в духе которого Козеллек воспитывался.

Козеллек задавался вопросом, почему в Новое время люди перестали учиться на своем опыте. Причина, по его мнению, заключается в разрушении прежнего «пространства опыта», в котором благодаря цикличности хода истории были заложены уроки для новых поколений. В конце XVIII в. история перестает развиваться циклично, она превращается в линейный процесс, который парадоксальным образом воспринимается и как произвольно направляемый людьми, и как обладающий некоей собственной логикой и властью над людьми. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий», прежде более или менее совмещенные друг с другом, расходятся, и это парализует «историю как учительницу жизни» (*historia magistra vitae*).

Ключом для нового толкования истории Европы Козеллеком была история понятий (*Begriffsgeschichte*). По его мнению, языковые понятия являются индикаторами и одновременно факторами исторических изменений. В первую очередь история понятий позволяет осмыслить переход к Новому времени – «переломную эпоху» («седловое время», *Sattelzeit*) приблизительно с 1750 до 1850 г. В эту эпоху старые понятия потеряли свое прежнее значение или изменились, темпорализовались («осовременились»), были обременены новыми ожиданиями, появились и новые понятия. Наряду с «темпорализацией» (*Verzeitlichung*) Козеллек выделяет следующие признаки понятий «переломного времени» – «демократизация», «политизация», «идеологизация» [14, s. XV–XVII.]. Эти три признака свидетельствуют о влиянии Шмитта. «Темпорализация» есть оригинальная находка Козеллека, однако если ее увязывать с проблемами «сокращения времени» (*Zeitverkürzung*), замедления и ускорения, то мы вновь сталкиваемся с идеями Шмитта.

Козеллек различает «историю» (*Geschichte*) и «историчность» (*Geschichtlichkeit*), простые понятия, являющиеся только индикаторами событий, и «базовые понятия» (*Grundbegriffe*), являющиеся еще и факторами, творящими историю и обуславливающими исторический опыт людей. Базовые понятия – это направляющие движения истории. Он отличает также историю понятий от «простой истории слов» (*Wortgeschichte*) и от «неисторичной проблемной истории» (*Problemgeschichte*). В качестве характерной черты понятий Козеллек вслед за Ницше парадоксальным образом утверждает: «Понятия стареют и образуются заново, но у понятий нет истории». Он имеет в виду, что только слова и их

значения могут мигрировать и изменяться, а когда слово в определенное время и в определенном месте становится понятием (базовым понятием), оно приобретает некий трансцендентный, божественный статус, а трансцендентные субстанции, как известно, неисторичны, вневременны. В этом отличие предмета истории понятий от предмета историко-политической семантики.

Козеллек различает «оболочку слова (Wortkörper), обозначающую что-либо (Bezeichnung), – значение (Bedeutung) – факт (Sache)» и говорит об ономаσιологическом, семасиологическом и фактологическом подходах. Следовательно, история понятий, изначально ориентированная на семасиологию, не есть самоцель, не есть самостоятельная лингвистическая дисциплина, а лишь пропедевтика перехода от понятий к «понятой истории» (begriffene Geschichte), к «теории условий возможных историй». Конечная цель Козеллека – это обогащение социальной истории за счет метода истории понятий, в чем проявляется академическая среда творчества Козеллека в кругах социальных историков в Хайдельберге и Билефельде.

На рубеже 1960–70-х гг. немецкая историческая наука оказалась в серьезном кризисе в связи с тем, что бурное развитие других гуманитарных дисциплин – политологии, социологии, экономики, лингвистики и пр. – лишило ее своего предмета, своей ниши. В этой ситуации на Съезде историков в Кельне в 1970 г. Козеллек сделал свой знаменитый доклад «Зачем ещё нужна история?», в котором определил уникальность задач, стоящих перед историками: «...они должны разрабатывать теорию исторического времени», а именно изучать темпоральные слои, темп исторического времени, ускорение, перемены и переломы, отражение событий в языке, языковые понятия [15].

Так рождается теория истории (Historik), которая, по мнению Козеллека, должна – после крушения философии истории – изучать условия возможности истории. С точки зрения Козеллека, языковые источники – это мостик к доязыковым, антропологическим условиям исторического опыта, которые имеют свои структуры повторяемости (Wiederholungsstrukturen). Козеллек обнаруживает ряд «базовых антропологических констант»: это бинарные оппозиции «друг – враг», «внутри – снаружи» («публичность – секретность»), «господин – слуга», «победитель – побежденный», «опыт – ожидание», а также положение о том, что прогресс исторической науки, как правило, обеспечивается побежденными. Если греческий мир покоился на статичной бинарной оппозиции «грек – варвар», то затем ей на смену пришла миссионерско-динамичная оппозиция «христианин – язычник». Третьей ступенью стала разрушительная оппозиция «человек – не человек».

Козеллек подчеркивает «локальную привязанность» (Standortbezogenheit) всех понятий – их прагматическую укорененность в конкретный контекст употребления. Вслед за Шмиттом Козеллек сомневается в

возможности нейтральной терминологии и отстраненного анализа понятий, считает понятия «орудиями политической борьбы». Он стремится не искоренить всю нормативно-практическую побудительную силу понятий, а лишь развить историко-критическое отношение к понятиям, восстановить поучительную функцию истории. В понятиях заложена «повторяемость» (Wiederholbarkeit), а значит, «структурная история» (Strukturgeschichte) имеет прогностический потенциал: она сообщает нам формальные «условия возможного будущего».

В то же время Козеллек всегда выступал против поиска глобального смысла истории. Опыт войны сделал все его поколение скептически настроенным к любым идеологиям и политическим доктринам. Он считал частичку скепсиса обязательной чертой профессионального историка. Поэтому Козеллек критиковал историзм и другие универсалистские философско-исторические течения и никогда не хвалил демократический строй ФРГ. Идеологии зачастую оправдывают насилие, однако Козеллек – к концу жизни всё больше расходясь со Шмиттом в этом вопросе – считал любое насилие бессмысленным и аморальным, старался излагать историю с моральной точки зрения побежденных.

Таким образом, «теория истории» ввиду неприятия Козеллеком конкретно-исторического детерминизма приобретает вид структурной антропологии с чертами «исторической онтологии». Однако Козеллек сознательно отмежевывался от «фундаментальной онтологии» Хайдеггера. Взгляды Козеллека можно также трактовать как теорию модернизации со скептическим уклоном.

В целом влияние Карла Шмитта на творчество Козеллека несомненно. Если в ранних работах Козеллека это влияние проявлялось идейно-политически, то со временем Козеллек стал все больше вычленять во взглядах Шмитта то блестящее теоретико-методологическое ядро, которое, собственно, является причиной неослабевающей популярности Шмитта, несмотря на не всегда достойные, радикально-неуравновешенные, оппортунистические наслоения. Безусловно, Козеллек был более осторожным исследователем. Шмитт никогда не признавал себя консерватором и провозглашал свою склонность к различным радикальным идеям, неважно какой политической окраски. Козеллек, напротив, до конца жизни сохранял консервативный взгляд на историю, однако его последние работы, связанные с антропологическим подходом, несут в себе немало либеральных черт.

Фундаментальное теоретико-методологическое сходство двух ученых заключается в том, что они сделали анализ языковых понятий основой для своих исторических, политических, правовых концепций. Шмитт делает больший акцент на превращении слов в понятия в рамках метафизики, духовной истории и политической теологии, а Козеллек больше выделяет социальную историю. Шмитт придает своим изысканиям политико-полемический и нормативно-практический тон, что для

Козеллека неприемлемо, так как последний прилагает все усилия для того, чтобы употребление понятий было исторически верным и взвешенным. Во многом именно работы Шмитта дали Козеллеку материал для критики бинарных оппозиций. Козеллек заимствовал у Карла Шмитта идею о полемическом характере, о нормативно-практической нагрузке политических понятий. Если бы не дискуссии со Шмиттом, Козеллек вряд ли смог бы сделать свою историю понятий свободной от всех политических коннотаций.

Список литературы

1. Mehring R. Begriffsgeschichte mit Carl Schmitt // Begriffene Geschichte. Beiträge zum Werk Reinhart Kosellecks / hrsg. von H. Joas und P. Vogt. Berlin: Suhrkamp, 2011. S. 138–168.
2. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / под ред. Х.Э. Бёдекера: пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
3. Шмитт К. Политическая теология: сб. / пер. с нем. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. 336 с.
4. Гаранов Е.Н. Государственно-правовая теория К. Шмитта: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2007. 26 с.
5. Закиров А.В. Концепция исторического времени в творчестве Р. Козеллека: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2013. 31 с.
6. Лапшин К.Н. Учение о государстве в трудах К. Шмитта: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2012. 41 с.
7. Росси Е.А. Человек и общество в социальной философии К. Шмитта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2008. 22 с.
8. Schmitt C. Theodor Däublers „Nordlicht“: Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. München: „Müller“, 1916. 80 S.
9. Schmitt C. Politische Romantik. 2. Auflage. München: Duncker und Humblot, 1925. 234 S.
10. Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология: сб. / пер. с нем. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 259–314.
11. Schmitt C. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. München: Duncker und Humblot, 1922. 56 S.
12. Schmitt C. Zu Friedrich Meinecke's Idee der Staatsräson // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1926. Nr. 56. S. 226–234.

13. Koselleck R. Kritik und Krise: eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt. 1. Auflage. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. V. XII. 248 S.
14. Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart: Klett-Cotta. 1972. Bd. 1. S. XIII–XXVIII.
15. Koselleck R. Wozu noch Historie? // Historische Zeitschrift. 1971. Nr. 212. S. 1–18.

CONCEPTUAL HISTORY IN CARL SCHMITT'S AND REINHART KOSELLECK'S INTERPRETATION

A.V. Gorobiy

Tver State University, Tver

The article is focused on the two approaches to the conceptual history status developed by Carl Schmitt and Reinhart Koselleck. The former author was involved in the political turmoil of Weimar Republic and Nazi period, while the latter was motivated by the post-World War II reality to reflexively reconsider the historical experience of his nation. Despite the fact that the highest points of creative achievements of the two scholars are chronologically separated by the Nazi dictatorship, Schmitt's and Koselleck's theoretical works reveal a certain conceptual affinity.

Keywords: *conceptual history, German history, law, politics, theory of history, anthropology.*

Об авторе:

ГОРОБИЙ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, соискатель кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь. Email: alexogor@mail.ru

Author information:

GOROBIY Alexey Viktorovich – Ph.D. (History), Ph.D. student at the Dept of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: alexogor@mail.ru